

Вот странное дело: читаю и перечитываю давнее письмо Ю. А. Жданова, адресованное «главному редактору журнала «Дон» тов. Воронову В. А.», и меня не покидает ощущение противоестественности того, что произошло в связи с ним в отдалившееся теперь уже время. На ту пору я работал в журнале заместителем главного редактора и об отклике члена нашей редколлегии Юрия Жданова на роман Бориса Можаева узнал от Воронова, который был озадачен, что делать?

По мне, случись такое сейчас, нечего и заморачиваться: доказательная по-своему статья – печатать, и вся недолга! Кто не согласен – дадим ответное слово. Но тогда время было смутное, и хотя у самого Воронова в кабинете висел портрет Горбачёва, «плюрализм» понимался своеобразно, а именно: внезапную статью Жданова нельзя печатать без её осуждения, больно уж по-большевистски убедителен был «автор-ретроград» в своём мнении.

Обратились к Борису Андреевичу Можаеву, и тот посоветовал столичного критика Юрия Карякина, мол, знаток Достоевского, а в «Мужиках и бабах» есть параллели с «Бесами». Всё делалось негласным образом при участии зав. отделом критики Александра Обертынского ну и, разумеется, Воронова.

Читаем, как об этом повествует тот же Карякин: «Он (Жданов – В. П.) написал в редакцию «Дона» клеветнически-оскорбительное письмо в адрес автора романа, явно уверенный в том, что по его велению и роман, и автор будут немедленно изничтожены. Борис Можаев и редакция «Дона» предложили мне на страницах журнала ответить Жданову. Но пока я писал, хитрован Жданов, учуяв ветры перемен из Москвы, вдруг написал в редакцию второе письмо, в котором, виляя и труся, «отозвал» свое письмо потому что – по его словам – «теперь не время ударять» по Можаеву. Видно, посоветовался с кем-то из Москвы».

Тон и догадки оставим на совести автора, но фактическая сторона была следующей. Редакция «Дона», желая закулисно выставить Жданова в невыгодном свете, чтобы на перестроечной волне быть в рядах «прогрессистов», без его ведома передала письмо, адресованное лично «главному редактору тов. В. А. Воронову», третьему лицу. Об этике никто не думал. Да, Жданов затем сам пришёл к Воронову и забрал своё письмо – имел право. Но маховик был запущен... Требовалась перестроечная жертва. Умом можно понять, но вот душа не лежит к таким методам уничтожения оппонента.

А оппонентом Юрий Андреевич, как легко заметить по его логичному тексту, был достойным. Можно не соглашаться с позицией Жданова (меня она тоже не во всём устраивает, например, в оценке Достоевского), но, возьми, и опровергни, докажи своё – только спорь на равных. Куда как легче надёргать цитаты, простите, изгаляться над тем, кто не сможет тебе ответить. Но это уже был расцвет демократии.

Юрий Карякин тогда дважды прошёлся по Юрию Жданову («Знамя» № 9, 1987) и «Ждановская жидкость» («Огонек» № 19, 1988). Ростов гудел: был либеральный восторг, и был стыд. Юрий Андреевич вышел из состава редколлегии журнала «Дон». Это уже значительно позже я попросил его вернуться, чему, кстати, несказанно был рад писатель Анатолий Калинин, бывший всегда другом Жданова.

Сам Юрий Карякин, заметный специалист по Достоевскому, ушёл с этими статьями в политику и стал затем известен как подписант приснопамятного письма 42-х «Раздавите гадину!» (1993) с требованием расправиться с неудобными, а также сказавший фразу: «Россия, ты сошла с ума!» Пожалуй, его общественная неутомимость так и заслонила литературоведческие труды. Тут каждому своё.

Когда Юрия Андреевича Жданова не стало в декабре 2006 года, то я счёл нужным опубликовать реквием «Прощание с эпохой», где выразил своё отношение к этому человеку. Уже одно его имя говорит само за себя. Юрию Жданову было написано на роду оказаться среди первых лиц государства.

Блестящее образование, широта взглядов, аналитический склад ума... Заметная должность в аппарате ЦК, близость к Сталину. Следует опала, и Юрий Андреевич оказывается на Дону. После обкома партии – 30 лет ректорства. Судьба Ростовского государственного университета – его судьба. Совет Северо-Кав-

казского научного центра высшей школы возглавлял почти до последнего.

Жданов был личностью, своих взглядов не менял и всегда их отстаивал. Талантливый не только на научном поприще, но и в литературном деле, Юрий Жданов издал ряд оригинальных работ, писал стихи, играл на фортепиано. Храню с автографом автора первую художественную книжку эссеистики Юрия Жданова «Хрустальный свод», которую довелось редактировать. А последний его труд «Взгляд в прошлое» печатался в журнале «Дон», где он уже был снова членом редколлегии. И вот журнал вышел с его именем в траурной рамке...

А хоронили Юрия Андреевича при огромном стечении народа 21 декабря – в день рождения И. В. Сталина. В этом угадывается особый смысл. Мы простились с эпохой, но знаем ли о ней всю правду? И разве жизнь и судьба Ю. А. Жданова не помогут пытливому уму и сердцу?

Сам же Борис Андреевич Можаяев всегда был дружен с редакцией журнала «Дон». Разве забыть, как он пригласил нас вместе с Василием Вороновым «обмыть» публикацию романа в ресторане, кажется, гостиницы «Украина». Да и в Ростове тоже отмечалось это событие. А ещё у нас была устроена большая читательская конференция с приездом демократов-москвичей, конечно, участвовал и Юрий Карякин. Говорили о прорывном романе Можаяева «Мужики и бабы». Поминался недобрым словом и Юрий Жданов, а заодно и его отец.

Вскоре настали иные времена, и Борис Андреевич уже не мог без горечи видеть, как распалась великая страна, и к чему всё идёт. Он писал об этом, возмущался.

И последняя его публикация «Крымские страдания» прошла в «Доне» (№7, 1996), когда он, получив отлуп от столичных редакций, обратился с этим материалом в Ростов точно так же, как в своё время с романом «Мужики и бабы». Я посчитал естественным предварить эту, увы, посмертную публикацию нашего не только автора, но и члена общественного совета, редакционным словом:

«Всякой власти Можаяева был не ко двору. Правду у нас никогда не жаловали.

Десять лет тому назад прилетел инкогнито в Ростов-на-Дону писатель, который к тому времени изрядно помыкался со своим романом. Прогрессивная Москва не хотела печатать новый роман Можаяева, не хотела – и всё тут!.. Так крамольная вторая книга романа «Мужики и бабы» открыла в журнале «Дон» 1987 год...

Помнится, тогда Борис Андреевич, сам рязанский родом, обронил: «Рязанцы, они завсегда на Дон бегали, и я тоже... С Дона, чай, выдачи нет!»

За десять лет Можаяев не изменил ставшему ему родным журналу «Дон». Где и как только мог поддерживал наше издание. А сотрудничал с «донцами» всегда.

Вот и «Крымские страдания» в полном объёме печатаются только в журнале «Дон», иные из «независимых» изданий по тем или иным причинам на подобное не отважились. Всё боязнь, как бы чего не вышло. Писал же «Крымские страдания» Борис Андреевич, вспоминает его вдова Милда Эмильевна, буквально страдая сам, сердцем переживая разлад России и Украины. Людская боль становилась его болью...

И уже умирая, в последний миг Борис Андреевич мучительно вопрошал: что же это делается?!. Пусть вопрос русского писателя Бориса Можаяева прозвучит и для каждого из нас. Задумаемся о жизни, о чести, об Отечестве.

...Обложку нашего журнала освящает Андреевский крест. Символична созвучность Вашего отчества, Борис Андреевич, с российской святыней. Андреевский флаг журнал «Дон» поднял и в Вашу честь, Борис Андреевич, писатель, офицер флота».

Перечитываешь сейчас «Крымские страдания» и понимаешь, как точно провидел Борис Можаяев будущее России и Украины, Крыма, Севастополя, русских и украинцев, всех нас, сегодняшних. Это его слова: «А у нас теперь всё дозволено: режь и кромсай державу, как ковригу хлеба...» Он называет полоумными утверждения самостийников, «что Крым и Новороссия и Область Войска Донского исконно украинская земля».

Борис Можаяев и поныне пребывает в русской литературе. Возможно, тому в определённой степени способствовала не только публикация романа «Мужики и бабы» в журнале «Дон», а и связанная с ней история с критическим письмом-отзывом члена редколллегии Юрия Жданова. Понятное дело, масла в огонь подлил Юрий Карякин. Надо сказать, что только сравнительно недавно то самое злополучное письмо увидело свет в сборнике «Литература в жизни и творчестве Ю. А. Жданова» (Ростов/Дон, изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ). При этом издатели, осторожничая, судили-рядили, включать его в книгу или нет? Включили, хотя и не решились должным образом прокомментировать историю вопроса: мол, Жданов и Можаяев – такие персоналии и такие разночтения!

По прошествии времени становится ясно, почему всё случилось именно так. Роман «Мужики и бабы» – можаевский взгляд на коллективизацию рязанской деревни. Это не Шолохов, не «Поднятая целина», это другое. Борис Андреевич написал как написал, имея в виду прежде всего художественную задачу. Однако, известно, какое время было: шла перестройка, вернее, ломка, свергались прежние авторитеты и насаждались новые. Главное – разрушить до основания. Литература не исключение.

И был заказ на то, чтобы развенчать советских писателей-классиков. Особенно мешал Шолохов. И когда появился роман Можаева, то его и пожелали использовать «прорабы духа», заместить, так сказать, «Поднятую целину», а там, глядишь, и «Тихий Дон» вместе с автором подвинуть. Сам же Борис Можаев здесь не при чём. Для него Шолохов был непререкаемым авторитетом.

Забуть ли сказанные тогда же слова Анатолия Калинина: «Это два разных романа, два разных писателя. В литературе места всем хватит. Пусть рассудит время».

А на Рязанщине, в посёлке Пителино, установлен памятный камень на месте, где был отчий дом Бориса Андреевича Можаева.

В самом же центре Ростова-на-Дону стоит памятный бюст Юрию Андреевичу Жданову, и несколько поодаль – скульптурное изображение Шолохова.

Круг замкнулся.